

Глава 33. Повеса и бедный учёный

Чэн Янь покинул экзаменационный зал с самым беззаботным видом, оставив позади встревоженных наставников и потрясённых его наглостью учеников.

Стоило ему выйти за порог, как Сян Ань из класса Дин, воровато оглядевшись, тоже вскинул руку:

— Господин экзаменатор! Я тоже хочу сдать работу!

Но не успел он договорить, как фимиам в курильнице, отмерявший время, догорел до самого основания. Слуга, следивший за часами, ударил в огромный барабан у входа в главный зал.

Директор академии, заложив руки за спину, подошёл к Сян Аню и смерил его суровым взглядом:

— В последние полчаса до окончания испытания досрочная сдача запрещена.

Воодушевление в рядах лоботрясов из класса Дин мгновенно угасло. Большинство из них так и не смогли вымучить ничего путного, и им вовсе не требовалось столько времени на раздумья. Они просто хотели последовать примеру Чэн Яня и эффектно уйти пораньше, но опоздали буквально на мгновение.

В правилах академии действительно значилось право на досрочную сдачу, но до этого дня никто не осмеливался им воспользоваться. Чэн Янь стал первым, кто решился на подобную дерзость.

Впрочем, никто не сомневался в причине: все были уверены, что он просто сдал чистый лист, не сумев написать ни строчки.

Директор подошёл к столу главного экзаменатора и негромко спросил:

— Господин Линь, желаете ли вы... взглянуть на работу этого ученика прямо сейчас?

Наставник Линь на мгновение задумался, но всё же качнул головой:

— Пусть пока лежит здесь. Проверим её позже, когда все работы будут запечатаны и подшиты.

Директор не знал, радоваться ему или огорчаться. С одной стороны, господин Линь не разразился гневом прямо в зале, с другой — работа Чэн Яня всё равно попадёт в общую стопку, и при проверке её содержания не миновать.

Чу Ван тем временем заканчивал своё сочинение. Он мучительно искал те самые слова, что должны были стать «завершающим мазком кисти», придающим всему тексту блеск и глубину. Уход Чэн Яня сбил его с мысли, и юноша долго не мог вернуть себе прежнюю сосредоточенность.

Окружающие полагали, что повеса сдался, но Чу Ван, вспоминая вчерашние уверенные обещания друга войти в тройку лучших, думал иначе. Он допускал, что тот действительно закончил работу. Вчера Чэн Янь просмотрел больше половины старых работ Чу Вана, и хотя было уже поздно, трудно было сказать, сколько знаний он успел почерпнуть и как ими распорядился.

Вспоминая самодовольный вид, с которым друг покидал зал, юноша всё же не находил в себе полной уверенности. В конце концов, этот человек умел выглядеть крайне убедительно, даже когда сдавал пустые листы.

— Сосредоточьтесь на экзамене! — разнёсся по залу голос директора. — Никаких перешёпотов! Не отвлекайтесь!

Чу Ван вздрогнул и, отбросив лишние мысли, заставил себя погрузиться в работу. Как бы там ни было, результат Чэн Яня станет известен совсем скоро.

Последние полчаса пролетели незаметно. Перед тем как отдать работу, юноша взял чистые листы и каллиграфически выверенным почерком переписал свои стихи и оды заново, тщательно проверяя каждый иероглиф, чтобы избежать малейшей ошибки. Когда последний знак был выведен, он медленно положил кисть. Запястье, долго находившееся в одном положении, затекло и ныло от усталости.

Он тихо выдохнул и остался сидеть на месте, ожидая, пока помощники соберут свитки. Только когда все работы были подшиты по классам, главный экзаменатор объявил об окончании испытания.

Чу Ван вышел вместе с толпой учеников, гадая, где искать Чэн Яня, как вдруг услышал его громкий голос:

— Чу Ван!

Подняв голову, он увидел друга, стоявшего под старой кривой сосной неподалеку от главного зала. Тот всю размахивал руками, совершенно не заботясь о том, как это выглядит со стороны. Юноша невольно улыбнулся и поспешил к нему.

Стоило подойти поближе, как Чэн Янь бесцеремонно схватил его за руку.

— Пойдём скорее! Время обедать.

В академии даже самые близкие друзья редко позволяли себе подобные вольности. Оказавшись объектом столь явного проявления привязанности на глазах у всех, Чу Ван смутился и невольно напрягся. Он всегда придерживался сдержанности в отношениях с окружающими, почти не допуская телесных контактов, а тут... на виду у всей школы!

Лицо юноши мгновенно вспыхнуло, и он воровато огляделся по сторонам. Соученики, чьё внимание было привлечено выкриком Чэн Яня, теперь вовсю пялились на них. Многие были поражены тем, насколько близкими оказались эти двое.

В гуле голосов Чу Ван отчётливо расслышал реплику ученика, сидевшего перед ним в зале:

— Чэн Чанцин совсем страх потерял — схватил Чу Цзыгуаня за руку! Неужели он не боится, что тот его ударит?

Чу Ван едва не споткнулся.

«Какое же превратное представление о моём характере сложилось у моих соучеников?» — пронеслось в его голове.

— Ну же, идём! — позвал Чэн Янь, видя его замешательство, и легонько потянул за собой.

Чу Ван снова посмотрел на него. В его взгляде на мгновение отразилась целая гамма чувств, которая, впрочем, быстро сменилась привычной мягкостью. Он кивнул и пошёл следом.

— Куда мы?

Чэн Янь лишь заговорщицки подмигнул:

— Увидишь!

Юноша заметил в руках друга плетённый коробок для еды — видимо, тот успел где-то его раздобыть, — но спрашивать ничего не стал. Мэн Чэньхуэй всегда избегал проявлять чувства прилюдно, и Чу Ван привык считать, что ему тоже не по душе подобная фамильярность. Но сейчас... сейчас он внезапно понял, что это внимание ему совсем не противно.

Хотя товарищи и были озадачены, они списывали всё на сумасбродство Чэн Яня и, кажется, не заподозрили ничего предосудительного. Это осознание принесло Чу Вану облегчение, и он позволил другу вести себя, пока они не добрались до уединённого места.

Они вышли на пологий травянистый склон, на вершине которого раскинуло ветви старое раскидистое дерево. Чэн Янь усадил спутника рядом с собой и поставил коробок на траву.

— Устроим себе небольшой пир.

Говоря это, он уже проворно открывал крышку. Чу Ван принялся помогать, доставая блюда. Две чаши риса, бамбуковый тубус с бульоном и три тарелки с закусками: две мясные и одна овощная. Среди них была даже паровая рыба.

Тот протянул ему палочки.

— Держи. Ешь, пока не остыло.

Чу Ван уже привык к неожиданным поступкам друга, но тот всё равно находил способ его удивить.

— Откуда всё это? — не удержался он от вопроса.

— С кухни академии, разумеется! — невозмутимо отозвался Чэн Янь.

Юноша нахмурился:

— Но даже лучший обед в столовой не выглядит... так.

Собеседник лишь весело хмыкнул и вложил чашу с рисом ему в ладонь.

— Давай, ешь скорее.

Видя его нетерпение, Чу Ван не стал больше расспрашивать и принялся за еду. Рис был рассыпчатым и ароматным, мелко нарезанное мясо — в меру острым и сочным, а овощи, обжаренные в том же масле, таяли во рту. Паровая рыба, избавленная от малейшего запаха тины, была нежной и свежей.

Чу Ван редко пробовал изысканные деликатесы, и этот «пир» показался ему верхом кулинарного искусства. Он пробовал каждое блюдо, к которому его подталкивал друг, пока в какой-то момент не остановился, не решаясь продолжать.

Заметив это, Чэн Янь поднял на него вопросительный взгляд:

— Почему замер? Неужели невкусно? Или просто не по душе?

От этого града вопросов Чу Вану осталось только покачать головой.

— Нет, — тихо ответил он. — Напротив... слишком вкусно.

Он мгновенно расплылся в улыбке.

— Раз вкусно — налегай! Еда уже начала остывать, скоро станет совсем невкусной.

Не в силах противостоять такому напору, Чу Ван отогнал лишние думы и сосредоточился на обеде. Под конец остался только бульон в бамбуковом тубусе. Сняв крышку, юноша взглянул на друга:

— Выпьем вместе?

Чу Ван почувствовал, как щеки обдало жаром. Он не знал таких понятий, как «непрямой поцелуй», но всё равно ощутил странное волнение. Слегка робея, он по очереди с Чэн Янем допил остатки яичного супа.

Закончив трапезу, Чэн Янь встал и аккуратно сложил пустые тарелки обратно в коробку. Затем он с наслаждением потянулся и шумно выдохнул, выглядя совершенно довольным жизнью. Чу Ван невольно рассмеялся, и в следующую секунду тот уже тянул его за руку, заставляя подняться.

— Наелся? — спросил он.

Юноша кивнул.

— Да, очень. Давно я не пробовал ничего столь сытного.

Чэн Янь вспомнил обилие деликатесов на столе в доме семьи Чэн — разница была разительной. Но он не стал задерживаться на этой мысли: впереди будет ещё немало возможностей накормить Чу Вана досыта.

«В прошлой жизни цзюньван был тем ещё любителем вкусно поесть, — подумал он. — Судя по тому, с каким аппетитом он уплетал обед сейчас, в этой жизни ничего не изменилось».

— Пойдём прогуляемся, чтобы еда лучше улеглась, — предложил он.

Он по-прежнему не выпускал руку Чу Вана. Тот тихо согласился, и они медленно побрели по склону. В академии было немало живописных уголков, а вдали от главных дорожек почти не встречалось людей. Юноша доверился другу, позволяя сначала держать себя за запястье, а затем и вовсе переплести пальцы.

Сухая горячая ладонь Чэн Яня сжимала его тонкие прохладные пальцы. Это переплетение было столь тесным и надёжным, что в нём чудилась какая-то запредельная близость.

Чу Ван смотрел на него, пытаясь взглядом выразить протест против такой наглости, но Чэн Янь лишь довольно улыбался. Он даже умудрился просунуть большой палец между их ладонями, осторожно почесывая ногтем ладонь друга. Это прикосновение отозвалось в душе юноши странным трепетом. Он попытался высвободить руку, но из-за переплетенных пальцев хватка была слишком крепкой.

Чэн Янь смотрел на него глубоким, спокойным взглядом, в котором плясали весёлые искорки. Чу Ван, чувствуя, как внутри нарастает смятение, поспешно отвёл глаза и заговорил о первом, что пришло в голову, лишь бы разрушить эту дурманящую атмосферу:

— Скажи... почему ты сегодня сдал работу так рано?

Чэн Янь ответил так, словно это было само собой разумеющееся:

— Я всё написал, вот и ушёл.

Чу Ван на мгновение лишился дара речи.

— И ты действительно всё закончил? — с сомнением переспросил он.

Друг уверенно кивнул и даже пару раз качнул их сцепленными руками, состроив обиженную мину:

— Ты мне не веришь?

Чу Ван покачал головой, собираясь возразить, но вовремя спохватился:

— Ну... хорошо. Ты хоть соблюдал правила написания Цэвэнь, придерживался канонов? Следил за структурой?

Очевидно, верил он с трудом.

— Конечно, — подтвердил Чэн Янь. — Я вчера просмотрел столько твоих работ, что структуру выучил на зубок.

Чу Ван не стал больше расспрашивать. О том, что именно тот написал и насколько хорошим вышел слог, он предпочитал не думать — веры в литературный талант Чэн Яня у него не было никакой, но и расстраивать друга не хотелось.

— В Тецзине я не смог ответить на один вопрос, — сменил он тему. — Ты-то наверняка ответил на все?

Тот кивнул, но всё же добавил с осторожностью:

— Если не наделал ошибок в иероглифах. А сам-то как? Доволен результатом?

Чу Ван задумался.

— На моём обычном уровне, обошлось без грубых промахов. Вот только не знаю, какой стиль письма придётся по душе господину Линю.

Даже самые талантливые ученики, ступив на стезю государственных экзаменов, вынуждены были подстраиваться под жесткие рамки. До экзамена они мучительно гадали над темами, во время — с тревогой пытались угодить вкусам проверяющих, а после — томились в ожидании списков, изводя себя сомнениями.

Чэн Янь негромко рассмеялся, пытаясь его приободрить:

— Не бери в голову. Какой бы стиль ни предпочитал этот старик, если работа написана толково, он оценит её по достоинству. — Заметив, что Чу Ван всё ещё погружён в свои мысли, он добавил: — Ты, должно быть, руку натрудил, пока писал? Давай-ка я разомну тебе запястье.

Прежде чем юноша успел возразить, его тонкая кисть оказалась в широкой и тёплой ладони Чэн Яня.

Чэн Янь и не подозревал, что его слова о «толковой работе» в этот самый момент стали причиной нешуточного спора в комнате для проверки.

— Эта работа! В ней ни слова о долге, ни слова о конфуцианской морали или канонах! От начала и до конца автор твердит лишь об одном: о деньгах! Это вульгарно, низменно и недостойно ученика академии! — один из наставников в сердцах хлопнул свитком по столу.

Для обеспечения беспристрастности каждую работу проверяли трое наставников, выставя общий балл. Затем главный экзаменатор выбирал лучших из высшей категории. Разумеется, споры при такой системе были неизбежны — каждый учитель стремился отстаивать своё видение.

Оппонентом ворчливого наставника выступил другой учитель. Он поднял свиток и, проведя пальцем по строчкам, возразил:

— Но посмотрите! Вступление, обоснование, изложение и заключение — структура безупречна, а содержание глубоко и обоснованно. Как можно не оценить такую работу по высшему разряду?

Первый наставник буквально вскипел:

— Всё это пропитано медным звоном! Тема была — «Особенности ведения исторических хроник», а он в каждой строчке пишет о расходах! Разве это не уход от темы?! Максимум — оценка «Дин»! Человек, написавший такое, не достоин читать книги мудрецов!

Его противник тоже начал терять терпение:

— В Цэвэнь важно умение анализировать реальное положение дел. Составление хроник всегда продвигалось с трудом, и разве не из-за нехватки средств и отсутствия выгоды? Автор попал в самую точку. Если юный ученик обладает столь проницательным взглядом, а вы отвергаете его лишь потому, что он не вписывается в ваши рамки, то грош вам цена как наставнику!

Подобные перепалки случались и раньше, но обычно учителя старались сохранять лицо. Однако этот спор разгорелся так жарко, что остальные невольно заинтересовались скандальным сочинением.

Господин Линь, занятый проверкой, поднял голову и произнёс:

— Дайте мне этот свиток.

Работу немедленно поднесли главному экзаменатору. Другие наставники не смели заглядывать через плечо, ожидая вердикта.

С самого начала проверки лицо господина Линя оставалось бесстрастным. Но сейчас, читая это Цэвэнь, он то хмурился, то удивлённо приподнимал брови, то погружался в глубокую задумчивость. Его мимика была столь переменчивой, что никто не мог угадать ход его мыслей.

Он читал работу добрых четверть часа, перечитывая короткий текст снова и снова. Наконец он встал и с чувством произнёс:

— Этого юношу ждёт великое будущее!

Наставник, защищавший работу, торжествующе взглянул на коллегу:

— Ну, что я говорил!

Экзаменатор заложив руки за спину, прошёлся по комнате, а затем снова вернулся к столу, не в силах оторвать взгляд от текста.

— Но содержание... оно меня просто бесит!

Собравшиеся учителя переглянулись. Так хорошо это или плохо?

Линь поднял свиток:

— Прочтите сами. — Он протянул его сначала директору. — В вашей академии действительно скрываются таланты. Кто автор этого Цэвэнь?

На экзаменах требовалось писать стандартным почерком, чтобы избежать узнавания и подкупа, но стиль оды часто выдавал автора. Однако наставники, просмотрев листы, лишь недоуменно качали головами.

Директор не помнил, чтобы в академии был кто-то столь оригинальный. Он с опаской принял листы:

— Дайте-ка взглянуть. — Увидев на полях пометку «Класс Цзя», он позвал учителя Даоцина: — Даоцин, посмотри. Узнаёшь чей-то слог?

Даоцин взял свиток.

«Неужели это я его этому научил?!» — пронеслось в его голове.

Распознать автора было непросто. В конце концов учитель Даоцин покачал головой:

— Не имею понятия. Возможно, кто-то решил рискнуть и выбрал столь необычный путь.

Господин Линь выглядел разочарованным, но не слишком. Когда проверка закончится, печати будут сорваны, и имена откроются.

— Ладно, — сказал он. — Изучите работу и решите, какой балл ей поставить.

Спустя некоторое время судьи погрузились в раздумья. Наконец Даоцин произнёс:

— Точка зрения автора весьма... кхм, специфична, но аргументация выстроена мастерски. Текст содержателен и не нарушает никаких запретов. Полагаю, он заслуживает высшей оценки.

Хотя он и не знал, кто автор, это явно был ученик его класса, и учитель считал своим долгом поддержать его перед лицом общего рейтинга.

Господин Линь кивнул в знак согласия:

— Судя по слогу, у автора великие амбиции, но лежат они не в области государственной службы. Это талант прирождённого дельца.

У наставника Даоцина ёкнуло сердце — в голове всплыл образ одного человека, но он тут же отбросил эту нелепую мысль.

— Я считаю, — подытожил Линь, — что этой работе следует поставить «Цзя». И хотя многие из нас не согласны с её посылом, нельзя отрицать, что работа написана блестяще. Автор точно попал в тему, вскрыв все плюсы и минусы исторических хроник. Это превосходная работа на злобу дня.

Наставники, сидевшие в два ряда, призадумались. Наконец даже тот, кто первым возмутился «вульгарностью», неохотно кивнул:

— Что ж, признаю. Слог действительно хорош.

Раз больше никто не возражал, господин Линь взял печать высшего ранга и приложил её к листу.

— Когда будем выбирать тройку лучших, обязательно посмотрю, чьё имя там скрыто.

Заинтригованные столь дерзким сочинением, судьи заработали быстрее. Вскоре проверка была закончена. В высшую категорию попало всего десять работ, и экзаменатору предстояло выбрать троих победителей.

Он снова взглянул на скандальное Цэвэнь и со вздохом произнес:

— И всё же... нет. Эта работа не может занять первое место. Только второе.

С этими словами он поставил печать «Второе место» рядом с отметкой ранга. Два ярких красных отиска легли в конце размашистого, уверенного текста.

Определив серебряного призера, он взял печать для победителя. Просмотрев оставшиеся свитки, Линь уверенно указал на один из них:

— Вот эта работа — бесспорный лидер. Величественный слог, безупречная структура, глубокий

анализ. Она попадает в самую суть. А главное — она идеально соответствует стандартам государственного экзамена. Её следует сделать образцом для всех учеников.

Последнее замечание было явным камнем в огород «выскочки», занявшего второе место.

Две печати легли на бумагу. Но когда дело дошло до третьего места, Линь заколебался.

— После таких сокровищ, — вздохнул он, — всё остальное кажется лишь грубой поделкой.

Тем не менее, он добросовестно выбрал из оставшихся свитков наиболее достойный. А затем с нетерпением принялся вскрывать печати на именах.

У учителя Даоцина снова возникло недоброе предчувствие, которое крепло с каждым движением главного экзаменатора.

«Чэн Янь ведь исписал несколько листов какой-то ерундой, почему же я до сих пор не видел его каракулей?! Его почерк, похожий на следы куриных лапок, ни с чем не спутаешь!» — пронеслось в его голове.

После полуденного отдыха все ученики академии снова собрались на площади. Настало время оглашения результатов.

Хотя публично хвалили только лучших из каждого класса, присутствовать обязаны были все. Момент, когда в списке появлялась «тёмная лошадка» или неожиданный фаворит, всегда вызывал бурю эмоций, и наставники не мешали ученикам шуметь. Раньше некоторые даже устраивали подпольный тотализатор, пытаясь угадать тройку лучших, но администрация строго запретила подобные игры.

Узнав об этом, Чэн Янь искренне расстроился.

«Эх, если бы ставки принимали до сих пор, я бы сегодня сорвал куда больший куш, чем пятьсот лянов», — подумал он.

Чу Ван лишь сердито взглянул на него, призывая оставить свои пустые фантазии.

Появление этой парочки снова вызвало пересуды. На этот раз обсуждали не только их странную дружбу — слух о том, что Чэн Янь спас Чу Вана из пруда, уже разлетелся по всей академии. Даже учитель Даоцин подошёл к ним перед началом церемонии, чтобы спросить Чу Вана о самочувствии. Узнав, что тот пережил смертельную опасность и всё же нашёл силы сдать экзамен, многие преисполнились к нему уважения.

Чу Ван, смутившись, поспешно поклонился:

— Благодарю за заботу, учитель. Я в полном порядке.

Даоцин кивнул:

— Хорошо. Впредь будь осторожнее. — С этими словами он бросил испепеляющий взгляд на Чэн Яня и отошёл.

Тот лишь недоуменно пожал плечами:

— Я-то что сделал?

— Должно быть, есть за что, — отозвался Чу Ван. — Подумай хорошенько, когда ты снова успел разгневаться наставника.

— Снова?.. — Чэн Янь изобразил на лице вселенскую скорбь.

Ученики неподалеку прыснули:

— Чэн Чанцин наверняка написал такую чушь, что наставника до сих пор трясёт. Посмотрите на лицо Даоцина — выглядит так, словно его сейчас кровью от злости вырвет.

— И то верно, — подхватил другой. — Зная свои способности, лезть на экзамен... Сейчас объявят список с конца, и он гордо займет последнее место. Вот позорище-то.

Молодой человек не успел ответить — Чу Ван резко обернулся к ним и ледяным тоном произнёс:

— Сплетничать за спиной — удел ничтожных людей.

Обидчики тут же осеклись и поспешили скрыться в толпе.

Оглашение началось с последнего места. Господин Линь выкрикивал имя, а помощник за его спиной разворачивал свиток. Для младших классов это было развлечением, но для учеников класса Цзя, чьи неудачи выставлялись на всеобщее обозрение, напряжение было огромным.

Когда начали объявлять имена, на площади воцарилась тишина. Все взоры были прикованы к господину Линю. Тот прокашлялся и звучно произнес:

— Восемьдесят первое место...

Внимание толпы мгновенно переключилось на Чэн Яня.

— ...Чжан Сань!

Он одарил любопытных ответным взглядом: «Чего уставились?»

В толпе зашептались:

— Бедный Чжан Сань. Он-то думал, что с приходом Чэн Яня последнее место ему больше не грозит. Кто же знал, что этот бездельник решит сдать работу?

Господин Линь выждал паузу, пока помощник вешал табличку с именем Чжан Саня, и продолжил:

— Восьмидесятое место — Ли Сы!

Взгляды, обращенные на него, стали меняться. Не последний и даже не предпоследний! Для прожигателя жизни это было неслыханным достижением.

— Какие же они несносные, — вполголоса заметил Чу Ван.

Он понимал, что благодаря безупречному Тецзину, если только в Цэвэнь не было совсем уж бреда, Чэн Янь должен занять место где-то в середине списка. Но окружающие ничего не знали и с каждым именем ждали, когда же прозвучит знакомая фамилия.

— Может, его работу вовсе не стали оценивать? — предположил кто-то.

— Не может быть, — возразили ему. — Всего в списке восемьдесят один человек, и начали именно с восемьдесят первого. Никого не пропустили.

Повеса, не обращая внимания на пересуды, незаметно сжал руку друга под прикрытием широкого рукава. Юноша тут же вздрогнул. Он попытался высвободить пальцы, боясь, что их тайное общение заметят, и сердито взглянул на приятеля.

Но его взгляд не произвел на Чэн Яня никакого впечатления. Тот лишь легонько пощекотал его ладонь и тихо шепнул:

— Чего ты так на меня смотришь? Неужели я так хорош, что глаз не оторвать?

Чу Ван, не имея возможности вырвать руку или ответить, лишь возмущенно отвернулся. Но его ладонь продолжала гореть от прикосновений, словно тот задел какую-то потаенную струну в его душе.

Разумеется, большинство учеников больше заботило собственное положение. Те, кто надеялся на успех, при каждом имени молили про себя: «Только бы не я, только бы не я». Чем позже назовут имя, тем выше результат.

Чэн Цзинь стоял в толпе бледный как полотно. Но на него никто не обращал внимания — Мэн Чэньхуэй рядом выглядел не лучше. Он лихорадочно вспоминал утренний экзамен: соблюдал ли он ритм в оде? Не наделал ли ошибок в Цэвэнь? Чем больше он пытался вспомнить, тем гуще становился туман в его голове.

Юноша отчаянно надеялся, что его сочинение окажется выдающимся. Только это могло спасти его после провала в Тецзине и дать шанс на место в тройке. Но он не мог вспомнить ни единого слова из того, что написал.

— Сорок пятое место — Чэн Цзинь!

Услышав свое имя, юноша замер. Он ошеломленно смотрел вперед, не в силах осознать услышанное. Он знал, что его назовут не скоро, но не ожидал, что это случится ТАК рано!

Мэн Чэньхуэй, пребывавший в своих мыслях, тоже вздрогнул.

— Господин Линь назвал тебя? — спросил он, обращившись.

В правоте экзаменатора сомневался не он один.

— Наверняка ошибка! — послышалось из толпы. — Это должен быть Чэн Янь! Разве не он у нас главный бездарь?

— Его имени еще не было!

— Да как такое возможно?!

Юноша окончательно лишился дара речи. Мало того, что он показал столь позорный результат, так еще и имя брата всё не звучало.

— Это ошибка! — выкрикнул он, приходя в себя. — Это должен быть Чэн Янь, а не я!

Многие согласно закивали:

— Если это место для Чэн Яня, то он превзошел сам себя.

Господин Линь дал ученикам выговориться. Видя, что споры не утихают, он сурово оборвал их:

— Тишина! Результаты были перепроверены всеми экзаменаторами. Если у кого-то есть сомнения — выскажете их после оглашения всего списка!

Площадь затихла. Только Чэн Цзинь продолжал бормотать:

— Ошибка... наверняка ошибка... Я опротестую этот результат...

Его сокурсник, несмотря на собственную тревогу, попытался его утешить. Но мысль о том, что Чэн Янь каким-то чудом оказался выше сорокового места, жгла его изнутри. Он был уверен, что это заслуга Чу Вана, который наверняка натаскал этого бездельника.

Но не успел молодой человек додумать эту мысль, как прозвучало его собственное имя.

— Двадцать девятое место — Мэн Чэньхуэй!

На этот раз гул возмущения был ещё громче.

— Кто?! Я не ослышался?

— Мэн Чэньхуэй провалился!

— Невероятно! В прошлый раз он был вторым!

Мэн Чэньхуэй застыл, не веря своим ушам.

— Как же так... как это возможно... — шептал он.

Утром он действительно был сам не свой после ночного происшествия. Но он был уверен, что справился достойно, на своем обычном уровне. И вдруг — такой сокрушительный провал! Ему казалось, что все вокруг тычет в него пальцами. Он готов был провалиться сквозь землю, но церемония продолжалась, и он не мог уйти.

Привыкший почивать на лаврах победителя, он впервые осознал, как мучительно и стыдно быть предметом всеобщего обсуждения.

Впрочем, о нем говорили недолго. Главный вопрос, витавший в воздухе, был: «Где Чэн Янь?»

Действительно, где? В списке не было пропусков, его имя должно было прозвучать давным-давно. Но вот уже назвали двадцатку лучших, а фамилии Чэн всё не было.

Некоторые думали, что его имя просто прослушали, но на висевшем свитке всё было предельно ясно. За исключением пары неожиданных взлетов и падений, всё шло своим чередом. Ученики из середины списка, услышав свои имена, обычно теряли интерес к происходящему, но на этот раз вся площадь замерла в ожидании. Многие полагали, что Чэн Яня просто не включили в рейтинг.

Когда начали объявлять десятку лучших, ученики класса Цзя быстро прикинули, кто остался. Но никто из них не хотел — и не мог — поверить, что среди них окажется этот повеса.

Господин Линь беспристрастным голосом назвал десятое место, девятое... Когда он дошел до третьего, кто-то рядом с Мэн Чэньхуэем ахнул:

— Неужели Чэн Янь действительно попал в тройку?!

У Чэн Цзиня ёкнуло сердце. Он вспомнил о своем пари.

«Нет... этого просто не может быть...» — пульсировала в мозгу единственная мысль.

— Третье место — Ван У!

Юноша с облегчением выдохнул. Услышав чужое имя, он почувствовал, как к нему возвращается уверенность. Его едва не задушила злость на самого себя: как он мог хоть на миг поверить, что Чэн Янь способен на такое? Это же абсурд!

Осталось всего два имени. Из класса Цзя неназванными были только Чэн Янь и Чу Ван. Они стояли плечом к плечу, приковывая к себе взгляды всей площади. Повеса, попавший в академию по протекции, и первый ученик, гордость школы — они казались полными противоположностями, но сейчас в их облике чувствовалась странная гармония.

Чэн Янь по-прежнему сжимал руку Чу Вана. Тот чувствовал, как бешено колотится его сердце. На глазах у всех, пусть даже рука спрятана в рукаве... его ладонь стала влажной от пота.

Он обернулся к нему:

— Так волнуешься? Как думаешь, кто из нас будет первым, а кто вторым?

Чу Ван волновался вовсе не из-за мест, но всё же заставил себя сосредоточиться.

— Я... я не знаю...

— Скоро узнаем, — улыбнулся Чэн Янь.

Чу Ван почувствовал, что тот уже знает ответ.

Интрига достигла предела. Господин Линь выдержал долгую паузу и наконец объявил:

— Второе место в нынешнем Юэши — Чэн Янь! Первое место — Чу Ван!

Чэн Янь негромко рассмеялся и придвинулся к самому уху друга:

— Я так и знал. Ты снова первый.

Чу Ван замер. Ему казалось, что Чэн Янь совершенно не понимает сути происходящего. Неважно, какое место занял он сам — важно, что Чэн Янь стал вторым! Это казалось невозможным. Но вспоминая, как легко этому человеку удаются самые невероятные вещи, Чу Ван вдруг понял, что удивляться здесь нечему.

Он быстро принял этот результат, чего нельзя было сказать об остальных. Сначала на площади воцарилась гробовая тишина, а затем кто-то выкрикнул, не в силах сдержаться:

— Что?! Кто второй?!

Крик был столь громким, что господин Линь, даже не нахмурившись, повторил:

— Второе место занял Чэн Янь.

Помощник полностью развернул свиток. Теперь каждый мог видеть имена победителей, написанные крупным шрифтом в самом верху. Ошибки быть не могло. Первое место Чу Вана никого не удивило — он всегда был лучшим. Но второе место Чэн Яня вызвало настоящий шок. Гул возмущения и недоверия нарастал с каждой секундой.

Никто не смел прямо обвинить экзаменаторов, но у многих в голове мелькнула мысль о шпаргалках. Впрочем, при таком строгом надзоре это было невозможно, да и сидели они далеко друг от друга.

Он смерил Чэн Цзиня полным презрения взглядом.

— Ты же говорил, что ваши имена перепутали!

Чэн Цзинь стоял как громом пораженный. Лишь спустя вечность он пробормотал:

— Я... я не мог занять второе место...

Вспоминая свой провал в Тецзине, он понимал, что сорок пятое место — это и есть его истинный результат. Спорить было не о чем.

Молодой человек, поколебавшись мгновение, наконец не выдержал и вскинул руку, выкрикнув во весь голос:

— Господин экзаменатор! Я сомневаюсь в честности результата! Прошу вас обнародовать Цэвэнь Чэн Яня!

<http://bllate.org/book/15870/1443353>